

КУЛЬТУРНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Управление классическим университетом в условиях перехода к обществу, основанному на знаниях, не может рассматриваться в отрыве от тех масштабных изменений, которые воздействуют, без преувеличения сказать, на жизнь всего человечества. В качестве парадигмы исследования представляется уместным использовать теорию постиндустриального общества, основы которой были заложены американским мыслителем Д. Беллом, при этом понятия «информационное общество», «глобальное общество» будут рассматриваться в качестве подвидов, а «общество, основанное на знаниях», - в футуристической перспективе. Удобство теории постиндустриального общества заключается в том, что она, несмотря на имманентные социал-демократические коннотации, в целом, остается идеологически нейтральной, сохраняя при этом мощный гуманистический заряд, и потому вполне может быть использована в качестве метатеории, в том числе и в данной статье.

В своем предисловии к переводу на русский язык фундаментального труда Д. Белла В.Л. Иноземцев дает следующее определение постиндустриального общества: «Постиндустриальное общество – социум, где индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает» [2, с. 20]. Как видим, роль знания в постиндустриальном обществе является первостепенной, соответственно возрастает и роль тех учреждений, где знание вырабатывается, сохраняется и передается следующим поколениям.

К числу важнейших признаков постиндустриального общества Д. Белл причислял следующие: преимущественное значение теоретического знания, новые интеллектуальные технологии, количественный и качественный рост класса носителей знания: «Постиндустриальное общество представляет собой общество знания в двояком смысле: во-первых, источником инноваций во все большей мере становятся исследования и разработки (более того, возникают новые отношения между наукой и технологией ввиду центрального места теоретического знания; во-вторых, прогресс общества, измеряемый возрастающей долей ВВП и возрастающей частью занятой рабочей силы, все более однозначно определяется успехами в области знания» [1, с. 154-155]. По сути, общество, основанное на знании, выступает таким образом как полностью установившееся постиндустриальное общество. Более того,

ознакомившись с русским переводом упомянутого выше фундаментального труда, Д. Белл обратился к российским читателям с предисловием, где знание оказалось включенным в новое рассмотрение важнейших экономических категорий: «Если говорить о производстве в категориях добавленной стоимости, то создание новых товаров, повышение эффективности, увеличение объемов производства, снижение себестоимости – все это в постиндустриальной экономике является следствием применения знаний» [1, с. 105-106].

Согласно теории постиндустриального общества все общественное производство подразделяется на три сектора: первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг), причем роль и значение третичного сектора неуклонно возрастают с соответственным ростом значения образовательной компоненты: «Важнейшие методологические основы, позволявшие рассмотреть становление нового социального состояния с позиций отхода от традиционного индустриализма и развития «экономики услуг», сопряженного с повышением роли технологического фактора, науки и образования, расширением влияния нового класса квалифицированных профессиональных менеджеров и технократов и качественным изменением места теоретического знания и информации в общественном производстве» [2, с. 12]. Кодификация теоретического знания начинает играть ведущую роль как в создании нового знания, так и в производстве товаров и услуг, тогда как новаторство понимается теперь как прорывы по преимуществу в той же теоретической сфере знания.

В целом, постиндустриальное общество характеризуется понижением значения материального производства, преимущественным развитием сектора услуг и информации, разительным изменением человеческой деятельности и ресурсов, вовлекаемых в производство, серьезным изменением традиционной социальной структуры, которая теперь определяется организацией производства товаров из объема ресурсов, становящегося все более и более ограниченным. Что касается сферы культуры и образовательных услуг в частности, то на их долю выпадает важная роль поддержания преемственности и стабильности в мире, где масштабные и стремительные изменения превращаются в своеобразную норму жизни. Сам процесс производства претерпевает существенную трансформацию: воздействие на окружающую среду становится непрерывным, что приводит к взаимовлиянию и конвергенции разнообразных сфер человеческой деятельности. В условиях растущего дефицита материальных ресурсов место основного ресурса занимает информация, что приводит к общему

приоритету абстрактного, теоретического знания с преобладающей ролью инженеров, исследователей и ученых, призванных отныне решать важнейшие задачи кодификации помянутого знания, а также перспективного модулирования основных хозяйственных и социальных процессов.

Как мы уже говорили, развитое постиндустриальное общество представляет собой не что иное, как общество, основанное на знании. Важным терминологическим различием при всем том остается различие между знанием и информацией. Информация в данном контексте представляет собой важнейший производственный ресурс постиндустриального общества, тогда как знание выступает в роли постоянно пополняемого источника прогрессивных изменений. В последующих работах Д. Белл конкретизировал основные направления научно-технического прогресса в постиндустриальном обществе: «Замена механических взаимодействий, на которых была основана техника индустриального общества, электронными технологиями; миниатюризация, проникающая во все сферы производства; переход к числовым методам хранения и обработки информации; производство программного обеспечения, которое становится сегодня даже более важным, нежели создание самой применяющей его техники» [2, с. 64]. В новом обществе электронные приборы применяются, по сути, как средства управления и реорганизации времени.

В постиндустриальном обществе социальный статус индивида и соответственно сумма получаемых доходов оказываются жестко детерминированы различиями в образовательном уровне и уровне владения теми или иными техническими знаниями. В индустриальном же обществе этот параметр, как мы знаем, определялся владением частной собственностью. Поэтому роль образования и высших учебных заведений в новых условиях переоценить трудно. Усиленное развитие постиндустриального сектора постулирует, чтобы большинство людей имели высшее образование, овладели навыками абстрактно-концептуального мышления, техническими приемами, могли свободно вращаться в комплицированной компьютерной и телекоммуникационной среде.

В новом глобальном мире экономика из международной становится глобальной: неизмеримо расширяются сферы рынка, взрывным характером отмечен рост экономически активных субъектов, деловые операции и транзакции, для проведения которых еще сто лет назад требовались недели времени и громоздкие обеспечивающие структуры, сегодня осуществляются посредством одного клика компьютерной мыши. Единая система хозяйства принуждает рынки капитала стремительно объединяться,

объединяются также рынки валют и товарные рынки, производство неудержимо рассредоточивается. Выжить в такой ситуации могут только те страны и деловые организации, которые смогут приспособиться к переменам. А приспособиться к ним они могут только при наличии, как минимум, следующих предпосылок: политической стабильности и широчайшего распространения образования в самых современных формах.

Глобализация имеет достаточно большое значение для темы настоящего исследования, и потому на ней следует остановиться несколько подробнее. Глобализация, так же как и постиндустриальное общество – парадигматическое понятие, помогающее объяснить разнообразные экономические, социальные и культурные преобразования, свидетелями которых мы сегодня становимся. Говоря о ней, мы уже отмечали тенденции к интернационализации экономики, имманентные самой природе транснационального капитала, массового производства и коммуникационных технологий. Что касается точного определения термина «глобализация», то в качестве рабочего допустимо воспользоваться определением А. Гидденса, согласно которому: глобализация – это «интенсификация всемирных социальных отношений, в результате чего отдаленные регионы оказываются связанными друг с другом в том смысле, что местные происшествия отражают события, происходящие за много миль от них, и наоборот» [4, с. 58], в силу чего люди всего мира становятся членами единого мирового сообщества.

Определения, предложенные другими исследователями, помогают сконцентрировать внимание на иных аспектах явления глобализации. Так, Дж. Томлисон понимает под глобализацией «взаимосвязь и взаимозависимость всех регионов земного шара», тогда как Р. Робинсон именуется глобализацией «многомерный процесс, который одновременно происходит почти во всех сферах существования, начиная с экономики, финансов, рынков, технологии, коммуникации и политики, и кончая культурой и идентичностью». В его интерпретации глобализация предстает в качестве объективного процесса сжатия всего мира и субъективного процесса осознания мира как единого целого. Наконец, В. Уотерс и П. Бергер видят в глобализации «силу, которая способствует сохранению и развитию местных различий и многообразия, росту локальной гетерогенизации. Итогом своеобразного диалога между глобальностью и локальностью является создание или открытие культурной аутентичности, местные культурные реакции действительно означают окончательное завершение процесса глобализации, а глобализация соответственно – тот метод,

посредством которого местные культуры с течением времени трансформируются». Культура в свете подобных определений высвечивает внутренний аспект того процесса сложных взаимодействий, который, по мнению цитированных авторов, составляет саму суть глобализации [4, с. 59-70]. Для наглядности П. Бергер представил процесс культурной глобализации в виде четырех мощных потоков, а именно как: давосскую культуру, культуру «мак-мира», международную клубную культуру интеллектуалов, новые религиозные движения или широко распространенную религиозную культуру. Трудно отрицать то, что бурное развитие постиндустриального общества дает мощный импульс международной предпринимательской и потребительской культуре, что не может не сказаться на развитии образования. Международные стандарты – это объективная данность, отгородиться от которой не удастся никакими заградительными барьерами. Единственный продуктивный путь – включиться в мировой процесс глобализации, обогатив его теми национальными ценностями и достижениями, которые будут востребованы мировой культурой. Средний абитуриент или студент выступает сегодня как глобальный потребитель, его выбор диктуется не только личными предпочтениями, но и свободным рынком, отличающимся широкой взаимосвязанностью, свободой и информационной демократизацией. В дальнейшем названные тенденции будут только развиваться, в перспективе мы столкнемся с «исторически беспрецедентной самостоятельностью индивида. Будущее – это «место», где потребителю будет предоставлен самый широкий выбор, когда основные глобальные рынки сделают доступными самые невероятные изделия, откроют доступ к технологии и информации, обеспечат возможность виртуального путешествия» [5, с. 349]. Таким образом, при глобализации именно потребитель перемещается в фокус ведения бизнеса и этот потребитель нового типа не намерен терпеть те ограничения, с которыми он был вынужден сообразовываться в прошлом, поскольку теперь его свобода выбора неминуемо прогрессирует. С этим непреложным фактом отныне приходится считаться, как образовательным, так и коммерческим и правительственным структурам.

Из других важных характеристик глобализма, релевантных к теме исследования, следует назвать почти физически ощущаемое сокращение окружающего мира. На наших глазах власть демократизируется, а бразды правления переходят в руки конечного потребителя. Рынки и коммуникационные технологии, образно говоря, сжимают мир. Движение вперед в этом направлении – неотвратимо, и с этим тезисом соглашаются представители элиты

как стран, идущих в авангарде глобализации, так и те, кто еще не набрал достаточно скорости. Разногласия могут возникать только относительно оценки долгосрочных последствий глобализации, хотя сами эти разногласия ничего не меняют в существующей динамике развития. При этом не следует упускать из виду то обстоятельство, что глобализация еще только набирает темп, и многие страны еще далеко не в полной мере испытали ее последствия. Россия имеет все предпосылки для успешного развития в рамках глобализационных процессов, и успешное развитие образовательной системы является важнейшим залогом грядущих успехов. Главное теперь – не снижать темпа преобразований: «Кто бы ни захотел стать «игроком» в новой мировой экономике, кто бы ни захотел получать предполагаемые выгоды, реализовать те возможности процветания, которые предлагает эта экономика, кто бы ни захотел обеспечить граждан своей страны приличным качеством жизни и перейти на следующую стадию экономического и социального (и человеческого) развития, тот... должен «прибавить в скорости», «окунуться в поток», «играть по правилам» и «действовать по программе»» [5, с. 374].

Итак, глобализация будет и дальше способствовать развитию электронных средств телекоммуникации, развитию свободного рынка, индивидуализма и демократии.

Процессы, протекающие в современной мировой экономике в направлении становления постиндустриального общества, заставляют внести некоторые коррективы в изложенные выше концепции. Как заявляют современные исследователи вопроса, ныне формируется: «понимание того, что, хотим мы этого или нет, мы граждане мира, в котором доминируют рынки. Мы окружены рыночным безумием и живем в обществе, смысл которого составляют деньги, свобода не всегда обозначает счастье, а технические возможности не всегда приводят к прибылям» [3, с. 9].

В этом свете роль высшего образования и образования вообще поднимается на еще большую высоту. Невиданные доселе возможности профессионального и карьерного выбора оказываются доступными далеко не всем. Только тот, кто обладает востребованными компетенциями, может рассчитывать на успешную интеграцию в реалии постиндустриального общества. В этой связи наиболее стабильный, а возможно, и максимальный, доход приносят инвестиции в знание. Университетский диплом является необходимым условием успеха. Необходимым, но уже недостаточным: за последние двадцать лет разрыв в доходах между выпускниками университетов увеличился с 28 до 43 процентов. Чтобы приносить прибыль, образование должно сделаться

непрерывным или, по крайней мере, охватывать собой весь период профессиональной карьеры.

Власть, таким образом, переходит от тех, кто осуществляет контроль над информацией, к тем, кто контролирует самое знание. Те, кому не удалось добиться подобного контроля, неизбежно оказываются в арьергарде. Но каким образом можно обеспечить себе искомый контроль над знаниями? Ответ прост: только через качественное образование и непрерывное последующее обучение. В условиях неолиберального общества индивид, получивши невиданные доселе права, столкнулся с эквивалентной правам ответственностью. И ее уже нельзя переложить на плечи каких-либо иных структур. Полагаться теперь следует только на себя. В этих условиях страны с процветающей экономикой продолжают контролировать и создавать знание, а значит, и контролировать мировую экономику в целом. У России пока еще наличествует достаточный потенциал, особенно – в сфере образования, чтобы не оказаться на обочине этого крайне динамично развивающегося процесса. Главное – собраться с силами и, используя опыт передовых российских вузов, продолжать двигаться вперед с неизменным наращиванием темпа.

Промедление, консерватизм, следование избитым шаблонам, отказ от новаторства в данной области грозят катастрофическими последствиями: «Разделение на тех, кто имеет и не имеет, имущих и не имущих, является лишь логическим следствием того, что мы полагаемся, чуть ли не исключительно, на действие рыночных механизмов. Рынок отделяет эффективных от неэффективных. В этом его суть. Рынок признает эффективность, но это также и единственное, что он понимает. Общество, базирующееся на законах природы, а не на принципах воспитания, - суровое место для выживания. Последовательно примените данную логику и получите два множества – избранных и обреченных. И чем усерднее мы будем применять этот принцип, тем отчетливее будет разделение. Эффективность и эмпатия не обязательно составляют счастливую пару» [3, с. 83].

В настоящее время именно информация определяет наиболее эффективный способ организации, как торговли, так и любой другой хозяйственной деятельности. Согласно исследованиям американского ученого Джонатана Кендрика, за последние семьдесят лет соотношение между осязаемыми и неосязаемыми активами изменилось с 70 к 30 на 63 к 37, так что наиболее важные ресурсы организации сохраняются и развиваются теперь в нематериальной форме. Как мы уже говорили ранее, на рынке теперь власть перешла в руки цифрового клиента, который предъявляет значительно более жесткие требования к руководителю любой

организации. Но и сами рынки разительно изменились под влиянием глобализации, конкуренции, дерегулирования и цифровых технологий. Количество рынков и товаров стремительно увеличивается: один день международной торговли в 2001 г. равносильно объему всей международной торговли за 1949 год. Один день валютных торгов в 2000 году равняется объему всех валютных торгов 1979 года.

Благодаря бурному развитию интернета и телекоммуникационных технологий рынки не испытывают недостатка в информации, тогда как транзакционные издержки оказываются на весьма низком уровне. В этой связи востребованными оказываются не знания как таковые, а способность к эффективной реализации этих знаний в постоянном стремлении воспользоваться текущими и последующими конкурентными преимуществами. Самообучающиеся организации с организационной архитектурой, позволяющей полностью раскрыть потенциал корпоративного творчества, в короткое время займут место неповоротливых гигантов с застывшими формами корпоративного управления.

В столь непростых условиях высшее учебное заведение может обеспечить себе устойчивое развитие только благодаря инновациям. Инновации должны стать нормой жизни для рабочего коллектива, поскольку только они обеспечивают результаты выше среднего уровня: «В конце концов именно способность человека или группы людей придумать то, что до сих пор никому не приходило в голову, и затем успешно воплотить эту идею в жизнь и отличает лучших от всех остальных» [3, с. 204].

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999.

2. *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальный мир Даниела Белла // *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999.

3. *Риддерстрале Й., Нордстрем К.* Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества. - 2-е изд. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

4. *Синь-Хуань Майкл Сяо.* Культурная глобализация и локализация на современном Тайване // Многоликая глобализация / под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона. - М.: Аспект-Пресс, 2004.

5. *Хантер Д.Д., Йейтс Дж.* Мир американских глобализаторов // Многоликая глобализация / под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона. - М.: Аспект-Пресс, 2004.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Мировая система современности характеризуется общностью многих процессов, которые происходят в различных сферах и протекают во многом одинаково вне зависимости от каких-либо особенностей страны. Многие процессы, которые происходят во всем мире, характеризуются практически полной идентичностью, что позволяет трактовать их с позиции глобализации, более того, что касается этих тенденций в сфере высшего образования, их количество достаточно сильно ограничено в силу специфики области применения, что позволяет их классифицировать и выделить с большей точностью.

Основным двигателем прогресса и самой большой ценностью в мире признаются знания, поэтому высшая школа каждого стремящегося к поступательному развитию государства должна отвечать некоторым общим для всего мира требованиям, чтобы соответствовать тем условиям, которые на образование возлагает и новая система экономики, и новая система международного устройства. Существующая система российского высшего образования не отвечает современным потребностям не только государства, но и общества, что подчеркнуло необходимость изменения этой ситуации. Основой начатой трансформации явилась глобализация, которая через модернизацию системы профессионального образования должна изменить и представление общества о высшем образовании, его роли в этой сфере. Основное направление трансформации высшей школы в Российской Федерации – ориентация на построение общества, основой которого должен стать высокообразованный человеческий капитал.

Все эти требования воплотились в тех направлениях глобализации, которые сейчас оказывают влияние на развитие и существование высшего профессионального образования во всем мире вне зависимости от того, насколько естественны эти направления развития для каждой системы образования.

Глобализация высшего образования и ее основные направления нуждаются в классификации, осмыслении и анализе всех возможных положительных и отрицательных черт, последствий их реализации в российской высшей школе, а также в обосновании их целесообразности. Необходима ориентация на регламентированные потребности государства в среде профессионального образования и возможные перспективы влияния аспектов глобализации на развитие российского общества.

Выявление этих направлений, их характеристик и особенностей, возможных трудностей, степеней и форм влияния на общество, будет способствовать прояснению терминологической составляющей понятия глобализации в сфере высшего образования, поскольку в этом аспекте

существует путаница и неправомерное замещение одних определений другими в силу неясности и размытости понятийного аппарата.

Изменения современного мира, объективная тенденция к кооперации методов и форм функционирования практически всех сфер жизни, предъявляют ученым новые условия и факты, для объяснения которых необходимы новые понятия. К термину «глобализация» по этой причине не одно десятилетие приковано огромное внимание, так как при его помощи научные деятели пытаются обобщить и объяснить повсеместно происходящие в мире процессы.

Одним из относительно новых, но при этом крайне популярным во всех сферах является в наши дни термин «глобализация». За последние несколько десятков лет его употребление в научных трудах и исследованиях растет в геометрической прогрессии. Изменения современного мира, объективная тенденция к кооперации методов и форм функционирования практически всех сфер жизни предъявляют ученым новые условия и факты, для объяснения которых необходимы новые понятия. К термину «глобализация» по этой причине не одно десятилетие приковано огромное внимание, так как при его помощи научные деятели пытаются обобщить и объяснить повсеместно происходящие в мире процессы [7, с. 4].

Самым общим считается определение, данное Генеральным секретарем ООН Кофи А. Аннаном, который считает, что «глобализация является общим термином, обозначающим все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий не только между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками, но и между государствами» [10, с. 64]. Поскольку понятие «глобализация» в научной литературе четко не определено, то очень часто это понятие имеет размытые значения.

Одним из примеров такой неопределенности является понятие «глобализация в сфере образования» или просто «глобализация образования». Наравне с ними, как синоним, очень часто употребляется выражение «глобальное образование», которое по смыслу предполагается быть полным синонимом термина «глобализация образования». Однако эти два понятия не могут быть в полной мере синонимами, несмотря на схожесть звучания и тенденцию к уравниванию их значения.

«Глобальное образование» - это созданная во второй половине XIX в. в Америке концепция образования, применяющаяся преимущественно в средней школе, ориентированная на воспитание толерантной, восприимчивой к другим культурам личности, человека мира, способного разобраться в мировых процессах и уважающего противоположные точки зрения, а также осознающего неизбежность глобальных преобразований и умеющего адаптироваться к ним.

Согласно определению, это концепция, «ориентирующая учащихся на выработку планетарного сознания, но не форма или организация получения образования» [11, с. 203], то есть глобальное образование не является результатом глобализации в сфере высшего образования, поэтому заменять одно понятие другим в данном контексте, несмотря на частоту употребления и

понятную семантику, не представляется правильным в большинстве случаев [6, с. 45]. Учет сложившейся тенденции в исследованиях на данную тему и фактическое расширение семантики этого термина скорее всего приведет к закреплению дополнительного значения за этим понятием. Примененный в данной работе термин «глобализация образования» будет приравнен к «глобальному образованию» и означать идентичные процессы.

Хотя полной и признанной расшифровки понятия «глобализация» и, как следствие, «глобализация образования» не существует, тем не менее попытки его определения, конечно же, проводились. При изучении темы о глобализации сферы высшего образования, анализируя представленные в научных изданиях материалы, выделено несколько основных подходов и тенденций при раскрытии этого понятия, в полной мере отражающие все направления, по которым идет развитие этого процесса в системе высшего образования в Российской Федерации.

Исследуя направления и некоторые последствия глобализации в высшей школе и влияние их на общество, провоцирующее изменения в нем, можно сделать вывод, что под ней подразумеваются следующие основные направления деятельности в вузах - это интернационализация, интеграция, информатизация. Но к этим направлениям, которые считаются все-таки не основными и не столь очевидны и революционны для высших учебных заведений, добавляются еще два общемировых направления изменений в высшем образовании: Болонский процесс; изменение экономических условий существования университетов Российской Федерации после вхождения страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) [8, с. 28].

Рассмотрение глобализации с точки зрения отношения ее к интернационализации образования является одним из самых популярных подходов при попытке понять, что же конкретно кроется под этим понятием. Интернационализация не является синонимом глобализации, хотя иногда и такая трактовка в научных статьях встречается. Некоторое время эти два понятия использовались в научной литературе как равноценные заменители один другого, но при этом между этими двумя понятиями есть и некоторая разница.

Основным признаком глобализации образования в отличие от интернационализации является то, насколько сильны национальные интересы в глобальном мире. Только благодаря существованию национальных систем высшего образования с их отличительными особенностями может осуществляться процесс интернационализации высшей школы, подразумевающей разработку и реализацию национальных образовательных учебных программ. Этими программами можно обмениваться с другими странами, они будут привлекательны для иностранных студентов, приезжающих учиться в другую страну, а также можно будет производить обмен сотрудниками, проводить совместные научные исследования, разработки [15, с. 82].

Существует мнение, что интернационализация уходит от своего исконного значения и начинает рассматриваться с точки зрения ресурса по форсированию глобализации [20, с. 3] или же определяется как одна из ее фаз, так как во многом их основные направления влияния идентичны [22, с. 64].

Для национальных высших школ, и для российской в том числе, для сохранения своей культурно-исторической идентичности, участвуя в процессе интернационализации, так как она несет значительные черты глобализации, не стоит забывать об истории своего государства, о его национальных интересах и пропагандируемой идеологии. В противном случае университет перестанет быть важнейшим общественным институтом [5, с. 3-4]. Процесс интернационализации с исторической точки зрения не является следствием глобализации, так как он является намного более ранним процессом, который существует практически со времени создания первых университетов, и с увеличением их количества только набирает обороты [6, с. 46].

Особенно масштабно подобные процессы были представлены во времена существования Советского Союза, который активно привлекал в свои высшие учебные заведения студентов из стран социалистического лагеря и просто дружественных системе государств. С другой стороны, отстранение государства от управления высшими учебными заведениями и предоставление им достаточно высокого уровня свободы дало дополнительный толчок для развития интернационализации. Наличие сотрудничества в совместных научных или учебных программах с иностранными вузами, возможность приглашать зарубежных преподавателей или реализовывать программы обмена студентами и сотрудниками, проводить совместные разработки или даже просто общаться с коллегами из других стран, участвовать в международных конференциях и не отставать от общемировых тенденций и уровня знаний — все это является основой развития и подъема престижа учебного заведения на международном уровне.

Но с развитием академической автономии вузы могут определять направления взаимодействия и выбирать университеты для сотрудничества самостоятельно, исходя из своих индивидуальных интересов. Для российских вузов, которые за редким исключением отстают от мирового уровня высшего образования, тенденция интернационализации высшей школы является одним из престижнейших и перспективных направлений [16, с. 19].

Усиление тенденции интернационализации вузов стала еще одним рычагом влияния глобализации на общество, причем рычагом значительным и эффективным, способствующим дополнительному форсированию изменений социального устройства всех уровней, происходящих в последние годы.

Интернационализация и ее практическая реализация в первую очередь через образовательные институты должны сформировать у членов общества новый подход к своему образовательному и производственному развитию. Образование в современных условиях не может ограничиваться только стандартными курсами, так как развивающийся рынок труда выдвигает все

новые требования для его участников, в число которых входит и участие в международных проектах и программах. Именно такой человек, стремящийся получить разносторонние и разнообразные знания, активно и заинтересованно участвующий в различных, в том числе международных, проектах, открытый к новым идеям и способный их реализовывать, является целью современного рынка труда. Все эти качества должны заложить в студентах высшие учебные заведения.

Уже сегодня многие учащиеся вузов участвуют в подобной деятельности, но говорить о массовости в этом направлении, к сожалению, пока не приходится, так как в этой сфере существуют серьезные проблемы не только финансового порядка, но и личностного, когда студенты не хотят использовать предоставленные возможности или просто не знают о них [12, с. 10]. Этот пробел в восприятии студентами своей образовательной траектории должны заполнять высшие учебные заведения, различными способами стимулируя интерес и вовлеченность учащихся в международные программы. Те возможности, которые дает для студентов интернационализация, трудно переоценить, так как подобный опыт в студенческие годы не только обогащает образовательный уровень, но и формирует в учащихся положительное отношение к подобной деятельности. Кроме того, высшим учебным заведениям очень важно вести работу по информированию потенциальных абитуриентов о предоставляемых образовательных возможностях, участвовать в международных выставках и конференциях, ярмарках и встречах [3, с. 50].

Интернационализация высшего образования, что очевидно, процесс не новый, но при этом его актуальность совершенно не утратила смысл, особенно в условиях современных требований к производству знаний и качеству обучения. Интернационализация помогает российским университетам гармонично существовать в мировых академических образовательных пространствах, активно в них развиваться и совершенствоваться, что может помочь не только с достижением максимально высокого уровня образования в Российской Федерации, но и с опережением уровня образования других государств. В наше время любой университет, стремящийся к качеству и престижу, обязан иметь в партнерах хотя бы один иностранный вуз и реализовывать совместно с ним исследовательские или образовательные программы [20, с. 28].

В плотной связке с интернационализацией идет следующий аспект глобализации – интеграция. Этот процесс за последние десять лет значительно затронул российскую систему высшего образования. Интеграция трактуется как совершенно закономерный, предсказуемый и естественный процесс, свойственный системе образования различных государств.

Если интернационализация – процесс более легкий в том плане, что, как правило, является совершенно добровольной, не всегда имеет четкие сроки и жесткую структуру и обязательства, то, в отличие от нее, интеграция образовательных систем различных стран инициирована в большинстве случаев

с подачи государственных органов. Участники образовательного процесса - высшие учебные заведения - ставятся перед свершившимся фактом и реализуют директивно данное направление собственного развития.

Таким образом, интеграция - направление намного более серьезное и сложное, нежели интернационализация, поскольку в данном случае речь идет уже не просто о сотрудничестве при обмене знаниями и студенческой мобильности, а о развитии этих связей на государственном уровне, в итоге ведущих к интеграции основ национальных систем образования. Исходя из этого, интеграция более близка по сути к термину «глобализация», так как согласно ее особенностям соотносятся не некоторые, интересные нескольким сторонам, учебные программы или процессы, а происходит некоторое уподобление и гармонизация основных, самых главных черт систем образования [13, с. 46]. В таком случае еще больше стираются национальные черты образовательной сферы, а иногда даже теряются полностью в зависимости от степени желания государства влиться в предоставленную структуру.

Это, пожалуй, самый большой минус интеграции высшего образования, приближающий ее в значительной степени к исконным характеристикам глобализации, как процесса, стирающего национальные границы. При этом данный минус при должном внимании представителей высшей школы и заинтересованности государства может быть в значительной степени нивелирован, так как основные общемировые направления интеграции образовательных систем предполагают достаточный уровень свободы для сохранения исконных национальных черт системы образования.

Становится очевидным, что интеграция образования – направление развития намного более высокого уровня, нежели интернационализация, так как задействует еще и государственный уровень. Это не значит, что при интеграции сфер образования сами университеты имеют роль статичную, являясь просто исполнителями государственной воли, наоборот, у высших учебных заведений появляются дополнительные возможности для сотрудничества – объединенные диссертационные советы, объединенные университеты, что постепенно реализуется государством [9, с. 4].

Это направление глобализации среди вузов России имеет очень слабое воплощение, исключением являются только некоторые столичные университеты, что объясняется необходимостью значительных финансовых затрат на подобные проекты, а также значительных усилий по созданию таких объединений, четкой координации работы, внимательному контролю, своевременному решению появляющихся проблем. К сожалению, для большинства российских университетов подобные процессы в реальности малодоступны, причем дело даже не в отсутствии средств и постепенном уходе государства от финансирования сферы образования, а скорее в отсутствии возможности вкладывать в этот проект ресурсы всех видов, в том числе и человеческие. Перед многими высшими учебными заведениями зачастую стоят

более прозаические проблемы, требующие как можно более скорого решения: отсутствие должной материально-технической базы, обновление инструментария и литературного фонда, не говоря уже о постоянной работе с отчетами, аккредитациями, в то время как создание интегрированной системы университетов требует значительного внимания и множества усилий. Возможно поэтому и из-за размытого значения и перспектив подобного вида объединений в рамках российской системы образования это направление не пользуется большим успехом.

Более актуальной и злободневной является интеграция высшего образования в единое общемировое пространство, инициированная на государственном уровне, ориентированная на принципы общеевропейских или общемировых систем, не просто затрагивающая структуру высшего образования Российской Федерации, а значительно ее меняющая. Поэтому в рамках этого аспекта глобализации становится необходимым согласование международной политики в сфере образования, сближение, взаимодополняемость и взаимозависимость национальных образовательных систем, «синхронизация действий, достигаемая на основе регулирования их наднациональными институтами, постепенное перерастание национальными образовательными системами своих государственных рамок и зарождение тенденций к формированию единого образовательного пространства как наиболее эффективной формы реализации задач будущего» [6, с. 42].

Приоритетным направлением интеграции в последние годы считается принятие образовательных стандартов Европейского Союза и вхождение в общеевропейское образовательное пространство. Из-за вхождения в общеевропейское мировое пространство система высшего образования России претерпевает значительные и серьезные изменения не только в структуре, но и в подходах к образованию.

Те структурные изменения, которые происходят сейчас в рамках гармонизации образовательной системы Российской Федерации с европейской: приведение нормативной базы в соответствие с общими требованиями, общие программы и соотносимые степени - все это поможет сформировать адекватный требованиям рыночной экономики единый рынок труда [14, с. 35]. Однако если смотреть на ситуацию максимально рационально и беспристрастно, занять высокое положение в сфере образования на мировой арене наша страна в ближайшие десятилетия не сможет и конкурировать с признанными европейскими, а тем более с американской системой профессионального образования в плане престижа, качества и стремлений абитуриентов его получить мы также не сможем. Поэтому забыть и игнорировать рынок, где российское образование может стать хорошей и более дешевой альтернативой для желающих получить качественное высшее образование, приближенное к мировому уровню, было бы нецелесообразно.

Известно, что в Европе ценятся единицы наших высших учебных заведений и такие же единицы направлений профессиональной подготовки,

поэтому ожидать большой приток студентов из европейских стран после структурных изменений в соответствии с требованиями Болонской декларации было бы очень оптимистично и неосмотрительно [19, с. 30]. В то время как привлечение студентов из бывших республик СССР было бы как раз очень разумно и рационально.

Постоянно растущий и стремящийся соответствовать мировым требованиям уровень российских университетов, качество подготовки, сотрудничество с высшими учебными заведениями Европы и реализация международных образовательных проектов, адекватная и своевременная реакция на требования глобализации образовательной сферы – все это должно быть для российской высшей школы своего рода рекламой, которая привлечет в стены российских вузов абитуриентов, желающих получить качественное профессиональное образование европейского уровня и при этом не могущих оплатить более дорогое обучение в самих европейских университетах.

Ориентация на международную интеграцию высшей школы позволит российским ВУЗам не только сотрудничать с мировыми лидерами профессионального образования, повышая таким образом свой рейтинг на региональном рынке образовательных услуг, но и привлекать в свои стены тот слой потенциальных студентов, которые хотят получить конвертируемый в европейских странах диплом и при этом не уезжать далеко от своего места жительства [2, с. 13]. Еще более оптимальный способ привлечения абитуриентов – это открытие филиалов непосредственно на территории стран-партнеров. Но, к сожалению, это направление доступно только для самых крупных университетов нашей страны, уже имеющих высокий престиж и рейтинг, а для всех остальных региональных высших учебных заведений такие проекты останутся недостижимыми еще очень долгое время, хотя, конечно, как уже отмечалось, это один из самых эффективных способов привлечения иностранных абитуриентов.

Интеграционные процессы в системе высшего образования, кроме очевидных плюсов, регламентированных документами об интеграции, имеют важное для нашей страны, да и не только для нее, дополнительное преимущество. Участвуя в таких процессах, страна накапливает знания и опыт относительно возможностей реализации разных аспектов гармонизации или унификации национальных сфер образования разных стран. Поэтому следующий проект по интеграции образовательных систем будет проходить уже значительно легче и эффективнее, поскольку предыдущие наработки, организационный опыт предшествующих программ формирования образовательных пространств и гармонизации этих процессов помогает предсказать возможные сложности и затруднения еще на этапе подготовки проектов, избежать возможных негативных и затрудняющих ситуаций, просчетов и ошибок.

Опыт, хоть и не очень глубокий и продуктивный, полученный Россией при формировании общего образовательного пространства в СНГ, может

помочь стране хотя бы теоретически проанализировать возникающие сложности и пути их решения при вхождении в общеевропейское образовательное пространство.

Интеграция в высшем образовании должна закрепить в обществе тот положительный эффект, который предполагается получить от интернационализации. Так как интернационализация и степень ее развития в учебном заведении зависит от желания и возможностей каждого конкретного учебного заведения, ожидаемый от нее положительный эффект в изменении общественного восприятия значения и функций высшего образования, не может быть массовым, а ориентирован в первую очередь на самых одаренных, активных или заинтересованных студентов. При этом те качества будущего профессионала, которые могут быть получены при помощи интеграции, должны быть восприняты практически каждым выпускником согласно требованиям государства к учащимся и выпускникам.

Интеграция университетов происходит в большинстве случаев с подачи государственных органов, а потому охватывает все вузы и, как следствие, всех студентов, что в более массовом порядке должно формировать в учащихся осознание необходимости постоянного обучения в течение всей жизни, что является основной идеей большинства интеграционных объединений и, в первую очередь, Болонского процесса.

Формирование идеи о постоянном обучении в течение всей жизни по различным причинам в рамках существующей системы высшего образования у учащейся молодежи практически не формируется. Идея непрерывного образования должна быть воспринята всеми учащимися, так как только благодаря ей они смогут быть конкурентоспособными и квалифицированными работниками, от чего зависит не только их будущее социальное положение и уровень его престижа, но и будущее развивающейся российской экономики, нуждающейся в качественном человеческом капитале. Следовательно, концепция непрерывного образования является одной из составляющих глобализации образования [1, с. 42].

Очевидно, что процесс интеграции в сфере высшего образования, как и процесс интернационализации, будет развиваться согласно новым задачам, которые ставит глобализирующийся мир, а именно – приобретать все больше значения и расширять сферу своего применения в области профессионального образования, что делает этот процесс общемировым. Поэтому, зачастую, говоря о глобализации сферы образования, интеграция является одним из самых популярных обозначений этого процесса.

Еще одним процессом, характерным для высшего образования и относящимся к процессам глобализации, является всеобщая информатизация всей сферы образования вне зависимости от ее уровня. Информационная обеспеченность - это и доступ к общемировым знаниям, и техническое оснащение, и развитие интернет-технологий. Информатизация университетов является динамично развивающейся только потому, что развиваться это

направление начало совсем недавно, когда у вузов появилась возможность самостоятельно оснащать свои исследовательские лаборатории, центры, аудитории и библиотеки информационной техникой и технологиями [18, с. 16-17].

Переход развитых мировых держав от индустриального к информационному обществу показал, что самой большой ценностью стали не природные ресурсы и не развитость экономики, а знания, новые технологии, уровень образованности и способность эти знания создавать. Это привело страны к необходимости расширять потоки знаний, доводить их до всех желающих, где бы они ни находились и какие бы формы образования ни выбирали, тем самым гарантируя себе формирование высококлассного человеческого капитала, способного не только поддержать то положение, которое занимает страна на мировой арене, но и поднять его на еще более высокий уровень.

Не только академическая мобильность и совместные учебные планы характеризуют глобализацию, многие из направлений информатизации образования являются не менее, если не более глобальными процессами, происходящими сейчас во многих странах, в том числе и России. Одним из таких новых, эффективных и перспективных направлений в рамках информатизации является развитие дистанционного образования. Если с технической стороны информатизации образования все вполне ясно (противников высокого уровня качественной вспомогательной техники для проведения исследований, их обработке или просто улучшения качества преподаваемого на занятиях материала нет), то с дистанционным образованием дело обстоит несколько сложнее.

Несмотря на то, что ярых противников эта форма образования, за очень редким исключением, не имеет, тем не менее, она не признается на данном этапе панацеей для тех групп населения, на которые в большинстве своем оно рассчитано. При том, что дистанционное образование имеет огромное количество несомненных плюсов: индивидуальный темп обучения, образование без отрыва от дома или работы, более низкая стоимость обучения, отсутствие привязанности к местонахождению высшего учебного заведения и так далее, объективных минусов у него не меньше [4, с. 17]. Все-таки, высшее образование - это не просто полученный диплом и определенное количество усвоенных знаний, университет еще несет и функцию воспитания, возможность поговорить и обсудить интересующие вопросы в коллективе, услышать противоположную точку зрения и научиться аргументированно ее защищать, формулировать мысль и грамотно, понятно ее подавать. При том, что дистанционная форма образования также предполагает и общение с преподавателем, и даже возможность участия в коллективных обсуждениях, отсутствие прямого контакта с коллегами не всегда помогает пробудить желание к ведению дискуссий или обмену мнениями. Это вовсе не значит, что дистанционная форма обучения хуже или менее продуктивна, чем очная. Они фактически равноценны, но тот или иной вид получения знаний зависит от

очень многих факторов, сочетание которых может значительно перевесить чашу весов в ту или иную сторону.

Необходимо отметить, что в странах Европы и Америки этот сектор образовательных услуг на протяжении долгого времени пользуется неослабевающим спросом со стороны абитуриентов, поскольку разницы ни в выдаваемых дипломах, ни в учебных программах, ни в качестве подготовки между образованием очным и дистанционным нет, но есть определяющее отличие – дистанционное образование стоит намного дешевле. В России считается, что дистанционная форма дает менее качественное профессиональное образование, а студенты-дистанционники, не сильно усердствуя, получают легальный диплом через положенное количество лет. К сожалению, в нашей стране такое возможно, но это лишь означает низкий уровень качества высшего образования в целом. В Европе же и Америке для получения образования дистанционно нужно приложить намного больше усилий и самостоятельной работы, нежели при очной форме, так как требования к контрольным и экзаменационным работам совершенно идентичны требованиям очной формы. На это и должно ориентироваться дистанционное образование, реализуемое российскими университетами, и тогда негативных оценок этой формы будет намного меньше.

Еще одним плодом глобальной информатизации образовательной сферы стало появление интернет-университетов или виртуальных университетов. Для нашей страны подобный вид высшего учебного заведения крайне непривычен и вызывает вполне однозначную реакцию – опасение. Если в других странах такие университеты функционируют уже достаточно давно и не вызывают недоверия, то в нашей стране они пока в должной степени не прижились, хотя проект их развития существует.

Для российского населения, уставшего от неясностей, внезапных изменений и неопределенных состояний, университет, который, что называется, нельзя «потрогать» или увидеть, на психологическом уровне не вызовет доверия и желания там учиться, тем более, что всегда найдется реальный государственный университет, реализующий такие же или близкие по смыслу образовательные программы. Виртуальные университеты в нашей стране в ближайшее время вряд ли получат распространение еще и потому, что недостатка в реальных университетах сейчас нет [17, с. 61].

Но основная проблема вовсе не в минусах такой формы как дистанционное обучение или эфемерности виртуальных университетов, а в том, что на деле в России полезные информационные технологии не приобрели пока еще того спроса, который должен быть при стремлении к информационному обществу. Основная проблема информатизации состоит в том, что личный уровень людей в освоении информационных технологий все еще достаточно низок. Даже те, кто имеет для этого достаточный уровень технического оснащения, далеко не всегда умеют пользоваться теми ресурсами и возможностями, которые предоставляет информатизация. Попытки

интегрировать образовательные ресурсы и социальные сети, которые предоставляют такую возможность, на практике не приводят к желаемым результатам, что сигнализирует в первую очередь о низком уровне вовлеченности студентов в информационную образовательную среду и неумение рассматривать ими предоставленные им информационные возможности [23, с. 135].

Таким образом, информатизация затрагивает все сферы, но особенно большое влияние имеет в системе профессионального образования, и именно здесь этот процесс должен быть реализован в самой полной мере, потому что именно учебное заведение может и должно учить людей, каким образом правильно, рационально, разумно и с максимальной практической выгодой пользоваться всеми информационными возможностями. Поэтому информатизация на данный момент является самым успешным и динамично развивающимся направлением глобализации образования, и государственное участие в этом процессе является ключевым для формирования высокого уровня предоставляемых профессиональных образовательных услуг.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что ученые, чьей сферой интересов является глобализация сферы высшего образования, понимают под ней обычно один или сочетание нескольких более понятых общемировых тенденций в области профессиональной подготовки, которые упрощают понимание понятия глобализации. При этом, далеко не все исследователи единодушны в том, что можно причислить к этому термину, а что нельзя.

Анализ материалов по данной теме показывает, что именно обозначенные направления наиболее полно характеризуют мировое явление, обозначаемый понятием «глобализация образования», и являются составными его частями. Из обозначенных вариантов России выбрать одно направление достаточно трудно, потому что в условиях необходимости модернизации образования аспекты глобализации как раз и могут стать основным ориентиром развития.

Таким образом, под глобализацией в сфере образования мы будем понимать такие, характерные как для развитых, так и для развивающихся стран направления развития в системе высшего профессионального образования, как интернационализация, информатизация, интеграция, их сочетание, ориентированные на подъем престижа национального университетского образования путем повышения качества предоставляемых услуг и повышения уровня подготовки человеческого капитала до уровня мировой конкурентоспособности или превосходящего его, которые помогают вузам своевременно или даже заранее отвечать на существующие и появляющиеся требования информационного общества и знаниевой экономики, обеспечивая тем самым лидирующее положение государству на мировой арене.

Список литературы

1. Альтбах Ф. Глобализация и университет: мифы и реалии в мире неравенства // *Alma mater*. - 2004. - № 11. - с. 41-56.

2. Андреев А.Л. Россия в глобальном образовательном пространстве // Высшее образование в России. - 2009. - № 12. - С. 11-21.
3. Бобров Л.К. В контексте интернационализации образования // Высшее образование в России. - 2009. - № 10. - С. 45-56.
4. Волков А., Романенко И., Кузьминов Я., Рудник Б., Фруммин Н., Якобсон Л., Андрушак Г., Юдкевич М. Российское образование 2020: Модель образования для экономики, основанной на знаниях // Совет ректоров. - 2008. - № 8. - С. 14-28.
5. Гранин Д.Д. Глобализация или «вестернизация» // Вопросы философии. - 2008. - № 2. - С. 3-21.
6. Данильченко В.М. Глобализация и образование в XXI веке // Высшее образование сегодня. - 2004. - № 3. - С. 44-57.
7. Добренъков В.И. Выводы глобализации и перспективы человечества // Вестник московского университета.- Сер. 18. Социология и политология. - 2004. - № 4. С. 3-32.
8. Жуковский И.В. Всемирная торговая организация и развитие образования // Высшее образование сегодня. - 2001. - № 2. - С. 18-32.
9. Захаревич В., Попов В., Гребнев Л. Международная аккредитация образовательных программ // Высшее образование в России. - 2005. - № 12. - С.2-8.
10. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // Вопросы философии. - 2004. - № 4. - с. 58-74.
11. Качиева И.В. Обогащение педагогической терминологии в 90-е гг. XX в. - Пятигорск, 2004. - 244 с.
12. Климанович О., Ганчеренок И. Понятийно-терминологический аспект проблемы интернационализации высшего образования // Alma mater.- 2001. - № 1. - С 9-19.
13. Ларионова М.В. Интеграционные процессы в образовании. Европейский опыт // Высшее образование сегодня. - 2006. - № 2. - С. 42-59.
14. Медведев С. Болонский процесс, Россия и глобализация // Высшее образование в России. - 2006. - № 3. - С. 28-41.
15. Мещеряков Д.А. Глобализация образования и общеевропейское образовательное пространство // Философия образования. - 2007. - № 1. - С. 72-90.
16. Никольский В. Глобальное образование: пределы либерализации // Высшее образование в России. - 2004. - № 8. - С. 15-28.
17. Ракитянский Н.М. Россия и вызов глобализации // Социологические исследования. - 2002. - № 4. - С. 54-69.
18. Садлак Я. Болонский процесс: региональный ответ на глобальные проблемы // Высшее образование сегодня. - 2007. - № 10. - С. 14-23.
19. Сазонова З. Болонский процесс: позиция российского преподавателя // Высшее образование в России. - 2004. - № 3. - С. 24-38.
20. Слепухин А. Высшая школа в условиях интернационализации //

Высшее образование в России. - 2004. - № 6. - С. 3-12.

21. Солодухин А. Высшая школа в условиях интернационализации // Высшее образование в России. - 2004. - № 6. - С. 3-12.

22. Телегина Г.В., Штыкова И.В. Университет в глобальном мире: новая миссия // Университетское управление: практика и анализ. - 2005. - № 5. - С. 62-75.

23. Чисяева А. Университетское образование на пути к новому самоопределению // Высшее образование в России. - 2007. - С. 130-141.

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Болонский процесс – наиболее обсуждаемая в академической среде тема последних лет, наиболее проработанная в плане тенденций преобразования российской системы высшего образования и самая неоднозначная по оценкам исследователей. Несмотря на то, что, не углубляясь в изучение литературы по этому вопросу, складывается ощущение, что большинство работников высшей школы и представителей общественности выражают общее очень негативное мнение относительно перспектив национальной образовательной системы в рамках Болонского процесса [11, с. 104; 18, с. 5].

При изучении материалов основных самых заслуженных исследователей этого вопроса оказалось, что, как и любой спорный процесс, он имеет ярых противников, но преобразования, связанные с вхождением российской высшей школы в общеевропейское образовательное пространство, большая часть академического сообщества, если не активно пропагандирует, то, по крайней мере, оценивает скорее положительно и перспективно для высшего образования в частности и для последствий на государственном уровне в целом. Те, кто считают, что Болонский процесс это направление, призванное в итоге разрушить национальную систему профессиональной подготовки в угоду политическим интересам, основывают свою аргументацию на том факте, что российская система образования, как наследница советской, также по наследству приняла на себя ее лавры, как одной из самых эффективных, профессиональных, фундаментальных, развитых, научно ориентированных систем высшего образования, да и просто самой лучшей образовательной системы в мире [2, с. 151]. Отказать в этих эпитетах советской системе образования, конечно, нельзя, так как высшая школа в Советском Союзе готовила профессионалов высокого уровня, способных создать и воплотить в жизнь самые фундаментальные задачи, которые ставились перед ними. Это нашло свое отражение и в передовых достижениях советской науки, и во влиянии государства на международную политическую жизнь. Но, к большому

сожалению, все это перестало быть реальностью сразу после распада Советского Союза.

Задел, который был сформирован до этого времени в сфере высшего образования, позволил многим университетам выжить в тех условиях, в которых они оказались с образованием нового российского государства. Отсутствие финансирования, контроля и направления со стороны государства, широкое развитие коррумпированности в вузах, спровоцированное бедственным финансовым положением профессорско-преподавательского состава, прекращение или проведение научно-исследовательской работы только на профессиональном энтузиазме и устаревшем техническом оснащении, политические, экономические катаклизмы, неустойчивое социальное положение, полная неопределенность во всех сферах жизни, в том числе и отсутствие национальной идеи и государственной идеологии, - все это не могло не сказаться на сфере высшего образования [10, с. 103-104]. И после всего этого утверждать, что, существуя на оставшемся советском потенциале, система профессиональной подготовки нашей страны, как правопреемницы СССР, продолжает по старой традиции быть самой лучшей и продуктивной, крайне нелогично и несколько удивительно, учитывая, что это заявляют сами представители высшей школы.

Возможно, какие-то направления в ведущих вузах до сих пор придерживаются традиций советского образования, имея при этом современные технологии и все возможности для обучения максимально профессиональных и конкурентоспособных кадров, но таких направлений во всем высшем образовании крайне мало и приравнивать их ко всей системе является опрометчивым поступком, так как это самое что ни на есть исключение в реалиях нашей страны. По мнению европейских исследователей подобное положение объясняется тем, что те люди, которые в советское время искренне и с полной уверенностью считали Запад загнивающей капиталистической системой, продолжают по инерции считать, что все, что есть в России, лучше, чем то, что на Западе.

Те же, кто вырос при новой политической системе, во всем ориентируются за Запад, считая, что именно он является ведущим в мировой системе, поддерживают все реформы и нововведения, которые были заимствованы в Европе или США [24, с. 47]. При наличии логики подобного подхода зачастую клеймят и изобличают недостатки и разруху в системе высшего образования в том числе и те, кто вырос при советской власти и продолжает считать, что советская система профессионального образования была самой лучшей. Но приравнивание ее к новой российской является большой ошибкой, потому что они функционируют совершенно на разных основаниях, в разных политических и экономических условиях, так как все механизмы функционирования советской системы, именно которые и давали в итоге такой сверхположительный эффект, давно не работают, так как не применимы в системе рыночных отношений.

Высшее профессиональное образование должно быть не непосильной ношей для государства, ценной как таковое, вне зависимости от предоставляемых эффекта и выгоды, а, наоборот, инструментом общественного развития, передовым фронтом модернизации. Критики реформ и идеологи «лучшей системы образования в мире» порой не задумываются о том, сколько стоит государству и налогоплательщикам даже такое скудное, но все-таки имеющееся финансовое обеспечение, в большей своей части неэффективной, непродуктивной, не отвечающей иногда даже требованиям самих студентов, не говоря уже об экономике в целом и работодателях в частности, системы профессиональной подготовки, и считают свою сферу самой важной [28, с. 16]. Кроме того, если даже просто рассмотреть основные параметры, определяющие престиж системы высшего образования, по таким достаточно объективным параметрам как рейтинг университетов в мире, количество привлеченных иностранных студентов, а значит и привлеченных средств, количество произведенных страной и ее учеными новых технологий или продуктов, то четко видно, что лучшая система профессиональной подготовки не может занимать настолько отстающее от мировых лидеров положение [20, с. 8].

Несомненно – критика системы – это своего рода катализатор, позволяющий своевременно реагировать на происходящие перемены не только внутри собственной страны, но и за ее пределами. Исходя из всего этого, на государственном уровне созрела идея о необходимости серьезных структурных изменений высшего образования, если мы хотим сохранить существующий еще престиж государства на мировом уровне, а без высокого качества образовательных услуг и высокого уровня университетов достичь этого будет просто невозможно.

Как уже было сказано, необходимость в переменах в системе высшего образования назрела еще в советское время, более того, в 80-х годах даже успели создать основные направления по модернизации образования, которые предполагали переход к двухуровневой системе образования и сокращению сроков подготовки специалистов первого уровня [13, с. 35]. В последствие в России в 1992 году был принят закон, на основе которого в качестве эксперимента рекомендовалось начало подготовки бакалавров и магистров. И такая подготовка осуществляется в нашей стране по сей день, но эти уровни высшего образования не получили распространения, так как классическое пятилетнее специальное образование продолжало и продолжает до сих пор намного больше привлекать абитуриентов, нежели до сих пор не совсем понятные степени бакалавра и магистра [23, с. 20-21].

Модернизация высшего образования должна была быть продолжена в указанном направлении, но с момента образования новой России и до первых лет нового тысячелетия государству было не до того, чтобы заниматься модернизацией высшего образования. И только через десять лет эта идея возобновилась и вылилась в присоединении страны к принципам и целям Болонского процесса.

Несмотря на то, что не все признают Болонский процесс, как правильно выбранный нашей страной путь модернизации образования, тем не менее логика и серьезные обоснования в этом действии были. Во-первых, в нашей законодательной системе есть понятия и бакалавра, и магистра, которые не являются полностью чуждыми для нашей системы понятиями, что должно было облегчить переход к этой системе в более массовом и повсеместном порядке. Во-вторых, при существующей системе подготовки профессиональных кадров высшая школа не смогла бы удовлетворить всевозрастающее желание граждан получить высшее образование. И в-третьих, как следствие, государство минимум на 20% удешевляет свои затраты на обучение населения по направлениям бакалавров на бюджетных местах. В-четвертых, система высшего образования остро нуждалась в переменах уже не одно десятилетие.

Конечно можно было разработать свою систему модернизации высшей школы, но те цели, которые ставит перед собой Европа, полностью отвечают не только нуждам образования, но и основным тенденциям глобализирующегося мира, что делает намного более эффективным решением не «изобретать велосипед», который может еще и оказаться не очень подходящим для поставленных целей, а присоединиться к мировому процессу, который существует уже много лет и ставит перед собой практически те же цели, что и Российская Федерация для своей системы высшего образования [14, с. 8].

Если говорить о сущности Болонского процесса, то нужно сказать, что его основы были заложены не один десяток лет назад, еще до создания самого Европейского Союза. Очевидность того факта, что образование и возможность потреблять все произведенные знания вне зависимости от их месторасположения являются ключевым фактором и основой для развития экономики и потенциала страны, привело европейских лидеров к решению о сотрудничестве в области высшего образования, что через много лет в более оформленном, осознанном и четком виде преобразовалось в Болонский процесс, названный так в честь города Болонья, в котором 19 июня 1999 года лидеры большинства европейских стран приняли на себя обязательства по реализации целей, обозначенных в Совместном заявлении европейских министров образования, основанном на разработках Лиссабонского соглашения 1997 года и Сорбонской декларации 1998 года [25, с. 38].

Подчеркивая тот факт, что знания и образование становятся ключевым фактором развития каждого конкретного государства и всего Европейского Союза, для обеспечения конкурентоспособности и продвижения европейской системы образования на как можно большей территории были выдвинуты следующие цели, реализация которых поможет европейским странам добиться поставленных задач:

- 1) принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней, в том числе через внедрение Приложения к диплому, для обеспечения возможности

трудоустройства европейских граждан и повышения международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования;

2) принятие системы, основанной, по существу, на двух основных циклах - постепенного и после степени. Доступ ко второму циклу будет требовать успешного завершения первого цикла обучения продолжительностью не менее трех лет. Степень, присуждаемая после первого цикла, должна быть востребованной на европейском рынке труда как квалификация соответствующего уровня. Второй цикл должен вести к получению степени магистра и (или) степени доктора, как это принято во многих европейских странах;

3) внедрение системы кредитов по типу ECTS - европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости, как надлежащего средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности. Кредиты могут быть получены также и в рамках образования, не являющегося высшим, включая обучение в течение всей жизни, если они признаются принимающими заинтересованными университетами;

4) содействие мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения, обращая внимание на следующее:

- учащимся должен быть обеспечен доступ к возможности получения образования и практической подготовки, а также к сопутствующим услугам;

- преподавателям, исследователям и административному персоналу должны быть обеспечены признание и зачет периодов времени, затраченного на проведение исследований, преподавание и стажировку в европейском регионе без нанесения ущерба их правам, установленным законом;

5) содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий. Содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий;

6) содействие необходимым европейским воззрениям в высшем образовании, особенно относительно развития учебных планов, межинституционального сотрудничества, схем мобильности, совместных программ обучения, практической подготовки и проведения научных исследований [26, с. 19].

Если учитывать, что, присоединившись к целям и задачам Соглашения, Россия, таким образом, приравнивается к странам европейским, то обозначенные постулаты применимы и к нашей модернизирующейся системе высшего образования. При их анализе становится очевидным, что они являются положительными и перспективными направлениями по формированию такого пространства высшего образования даже в рамках национального государства, которое позволит стране выйти, как было не раз обозначено, на высокий конкурентоспособный европейский уровень.

В реальности эти цели, в большинстве своем являющиеся практически неоспоримым благом, обернулись на российском пространстве чередой ожесточенных споров и дискуссий о пользе, возможностях внедрения и грядущих, далеко не всегда положительных, последствиях. Именно это, как правило, и формирует отношение к Болонскому процессу и глобализации образования с позиции захватнических настроений Запада, разрушающих национальную, устоявшуюся, проверенную временем систему высшего образования. Чтобы разобраться, является ли этот процесс на самом деле не лучшим выбором пути глобализации высшего образования, рассмотрим основные недостатки этих целей и попытаемся определить, настолько ли обозначенные негативные их стороны фатальны, или перспективы для России в плане повышения качества и конкурентоспособности высших учебных заведений без потери национальных черт и особенностей, а также возможность сформировать на основе этого процесса задел для вхождения в информационное общество и воспитать знаниевый подход у населения во всех сферах.

Самые большие проблемы возникают с чуждой и непонятной для большинства населения, а иногда и для самих представителей академического сообщества классификацией степеней, получением которых должно по новой системе заканчиваться обучение в вузе. Со стороны населения и абитуриентов новая система степеней будет иметь мало престижа по двум факторам. Во-первых, на деле абитуриенты в недостаточной мере ознакомлены с двухуровневой системой высшего образования.

Во-вторых, как следствие первой проблемы, население, привыкшее к стандартной и понятной степени специалиста, а также понимающие, насколько важно сейчас для трудоустройства высшее образование, понятное для работодателя, а также опасаящиеся, что у некоторых работодателей будет негативное отношение к диплому бакалавра, предпочтут для своих детей специалитет.

Все это в итоге может привести к возникновению сложностей и непонимания во время работы приемных комиссий, а также широкого недовольства населения.

Переход к системе бакалавр-магистр может повлечь также следующие проблемы: резкое падение качества подготовки выпускников, что повлечет за собой отказ работодателей принимать на работу выпускников высших учебных заведений с этими степенями, или заполнение рабочих мест не пригодными к данной профессии работниками. Важно обратить внимание на то, что переход к степеням бакалавр-магистр не отменяет автоматически степень специалиста, потому что Болонский процесс хорош тем, что позволяет, если даже не приветствует, сохранение национальных и культурных черт университетов, как основного накопителя и транслятора культурно-исторической составляющей каждого народа и государства [3, с. 19].

Подписание Болонской декларации не подписало автоматически приговор системе специалитета. Каждое государство-участник в рамках европейского образовательного пространства имеет свои особенные черты в сфере высшего образования, расставаться с которыми они не планируют, тем более что Болонский процесс этого и не требует. Начавшаяся паника после прочтения пункта об основной степени выпускника – бакалавр – привела в научной литературе к абсурдным вопросам из разряда «а пойдете ли вы лечиться к врачу-бакалавру?» [6, с. 80], хотя изначально регламентировалось сохранение некоторых, требующих особенной квалификации направлений, после овладения которыми будет продолжаться присваиваться степень специалиста, а также для них будет сохранен прежний привычный срок обучения, это, например, врач, некоторые инженеры и так далее. Остальные квалификации будут, конечно, преобразованы в направления профессиональной подготовки, что особенно коснется гуманитарных направлений [9, с. 36-37].

Прежде чем начать разговор о возможном падении уровня подготовки выпускников-бакалавров к профессиональной деятельности и связанных с этим проблем при трудоустройстве, хотелось бы предварить эти рассуждения мотивами государства, решившего, что предлагаемая Болонской декларацией система высшего образования эффективна и отвечает всем запросам современного общества и возможностям государства эти запросы удовлетворить, что в свою очередь поможет понять, почему эта система признана наиболее перспективной для нашей страны и почему прежняя система новым запросам не отвечала.

Высшее образование в наше время имеет ценность не только как фактор социального развития, оно становится основным требованием, необходимым элементом, подтверждающим для работодателей образованность потенциального работника и навыки его обучаемости [1, с. 55]. Тот факт, что на абсолютно неквалифицированные должности, не нуждающиеся в специальной подготовке, требуется наличие высшего образования, сигнализирует не о повышении требований работодателей, скорее о снижении качества высшего образования, причиной чего, в свою очередь, служит снижение качества среднего образования.

Это общее снижение качества подготовки выпускников, повышение требований работодателей, социальные предпосылки и стереотипы, гласящие, что диплом гарантирует высокооплачиваемую и престижную работу, и зачастую просто нежелание работать, неопределенность целей в жизни и многое другое спровоцировали массовое стремление выпускников средних учебных заведений поступать в вузы. На сегодняшний момент эта тенденция признана в нашей стране, и массовое высшее образование, со стремлением ко всеобщему, давно стало очевидным фактом.

Появление широкого спектра коммерческих вузов и платных образовательных услуг, расширение коммерческого сектора в государственных

вузах - все это, с одной стороны, стало ответом на запрос общества, с другой стороны, понизило качество, статус и престиж высшего образования [17, с. 10]. Такая ситуация, когда у большей части работоспособного населения есть диплом, перестала придавать высшему образованию форму качественного отбора, дифференцирующую функцию и гарантию качественного выполнения своих обязанностей наемным работником, что раньше играло большое и очевидное значение при приеме на работу. По Конституции высшее образование доступно всем желающим на конкурсной основе, никаких ограничений для его получения сейчас нет, и государство не имеет права никак этот поток желающих ограничить [15, с. 17]. Но и нельзя сохранять тенденцию, когда высшее образование на деле уже не является на самом деле высшим, исчезает его изначальное значение и функции.

Когда назрела явная необходимость модернизации высшей школы, Болонский процесс явился хорошей альтернативой, сокращающей издержки на бюджетное финансирование, при этом оставляя возможность получения высшего образования, более того, даже расширяя эти возможности. Для государства, финансирующего подготовку некоторой доли выпускников, тех, кто учится на бюджетной основе, эти обязательства в последние десять лет стали особо непосильной и, как правило, бесполезной ношей.

Современное социально-экономическое устройство не соответствует сохранившейся вместе с большинством специальностей советской системе высшего образования, так как высшие учебные заведения сотнями готовят специалистов, которые не нужны существующей экономике и рынку труда. Если в СССР квалификации соответствовали реалиям планового хозяйства и имели профессиональный статус, то теперь, получая образование, выпускник готовится не к работе в конкретной отрасли, в конкретном месте, на конкретной должности, а к работе в определенной сфере, если не просто к выходу на рынок труда [4, с. 22].

Таким образом, сложилась ситуация, когда квалификация не особенно важна, главное, чтобы было высшее образование как таковое. Подобное положение дел, когда затраченные на подготовку выпускников бюджетных отделений деньги оказываются просто выброшенными в никуда, поскольку не дают никакой экономической отдачи, которая должна была компенсировать все затраты государства на обучение специалиста, делает просто необходимым минимизацию и оптимизацию этих убытков. Высшее образование в 90-е годы было поставлено в такое положение, что ради выживания стало работать на потребности и желания потребителей, то есть абитуриентов, пытаюсь удовлетворить их спрос, получая при этом неплохой доход с этого спроса, ориентированного на самые популярные специальности, такие как юриспруденция и экономика, не заботясь часто о качестве образования и не работая на общество, экономику или государство. Поэтому та цена, которую платит государство за бюджетное образование населения, не только велика, а

даже зачастую бесполезна, что для эффективного развития экономики, конечно же, недопустимо.

Во всем мире образование все больше становится значимым общественным институтом, ориентированным на решение задач государства и общества в целом, университеты признаются самой большой ценностью и играют ведущее значение, в то время как в нашей стране у университетов в большинстве своем одна задача – выжить, что в свою очередь порождает ситуацию перепроизводства ненужных, невостребованных экономикой, но престижных, по мнению абитуриентов, специальностей. Поскольку распределять и направлять выпускников на работу на определенные места по специальности в современных условиях не предоставляется пока возможным, такое «общее высшее образование» [18, с. 4] как направление бакалавриата становится хорошим вариантом для предоставления шансов массовому высшему образованию с сохранением при этом бюджетной, менее затратной для государства формы, посредством более короткого срока обучения и перехода к большей самостоятельной работе студента. При этом сохраняются попытки поддержания престижа высшего образования благодаря наличию более высоких его ступеней.

Одним из наиболее часто встречающихся аргументов против введения бакалавриата считается тот факт, что сокращенная программа подготовки приведет к ситуации, когда выпускники, приходя на работу, не будут соответствовать профессиональным требованиям и, как следствие, удовлетворять вполне объяснимое и законное право работодателей на подготовленных профессиональных работников [8, с. 49]. Но если посмотреть на сложившееся положение на сегодняшний момент беспристрастно, то очень мало кто из бывших студентов, получая диплом, готов сразу же приступить к полноценной профессиональной карьере по специальности. Как уже говорилось, только малая часть из выпускников идут работать по специальности, а значит, все остальное большинство из них уже заведомо к предполагаемой работе не готовы, и даже высокое качество их подготовки роли никакой не играет, потому что подготовлены они к выполнению совершенно других функций.

Если сейчас основной ценностью является само наличие диплома о высшем образовании, то есть на должность менеджера может претендовать как дипломированный менеджер, так и дипломированный биолог, так и дипломированный инженер, не имеющие навыков практической деятельности на данном рабочем месте, но имеющие диплом о высшем образовании, они в любом случае какое-то время будут обучаться основным необходимым в работе навыкам. Расходы, которые неформально несет предприятие, имея в штате неподготовленного специалиста, который, в зависимости от сложности работы, вникает в работу до полутора лет, обычно не учитываются, потому что часто не несут заметной финансовой подоплеки. Те, кто должны заниматься контролем и анализом подобных издержек – директора подразделений, как правило, не

задаются такими вопросами, потому что не несут финансовой ответственности за потери предприятия. Так почему бы не потратить год или два, которые в университете уходят на овладение узкой специальностью, на обучение необходимым навыкам уже на конкретной должности, тем самым не тратя несколько лет практически впустую?

Таким образом, имея диплом бакалавра, студенты могут не тратить лишний год, обучаясь тому, что они потом забудут, а учиться уже тому, что им необходимо на реальном месте работы. Конечно, работодатели и раньше, и сейчас стремятся брать тех, кого не требуется обучать. Но реальность такова, что даже выпускников по специальности все равно приходится обучать заново, потому что никакое теоретическое образование и никакие, как правило, не очень продолжительные и зачастую символические производственные практики не заменят навыков и умений, необходимых при реальной работе. Например, в Европе считается, что каждый лишний год в вузе порождает инфантилизм, расхолаживает будущего работника и порождает в нем безответственность и отсутствие стремлений. Для того чтобы избежать всего этого, молодой человек должен идти работать как можно раньше [7, с. 10]. Неважно сколько лет он отучился, важно, что он умеет и может делать, какие практические навыки и умения у него есть.

Такая позиция, в том числе, явилась причиной поддержки Болонского процесса и первой ступени высшего образования продолжительностью 3-4 года в нашей стране [27, с. 30]. Такой подход полезен как для экономии средств на образование из государственной казны, так и для профессионального роста студентов, которые раньше выходят на рынок труда, что стимулирует необходимость определиться более конкретно с профессиональным выбором, поскольку все увеличивающееся время взросления современной молодежи несет не только экономические убытки для государства, так как с учащейся молодежи нет налоговых отчислений, а количество поступающих в вузы сейчас даже превышает количество выпускников средних учебных заведений.

Существующая позиция, что студенты еще не готовы к началу рабочей деятельности, как и рынок труда не готов их принять, не обоснованы по той причине, что к 4-5 курсу многие студенты уже работают, а значит их квалификация оказывается достаточной, чтобы начинать свой профессиональный путь, а рынок труда готов принять практически всех вне зависимости от уровня образования [21, с. 152]. Причем, пожалуй, без образования работу найти даже проще, так как претензий к месту и оплате своего труда также меньше. Получивший же высшее образование человек, как правило, рассчитывает и на высокий социальный статус своего предполагаемого профессионального положения, и на высокий уровень заработной платы, чего чаще всего региональный рынок труда предоставить не в силах.

Учитывая особенности рынка труда, не готового обеспечить выпускников достаточным количеством рабочих мест в соответствии с их профессиональной

квалификацией, и нежеланием бывших студентов по своей квалификации работать, очень остро встает вопрос – а нужна ли тогда профессиональная квалификация вообще, если она мало того, что не отражает реальных способностей выпускника к профессиональной деятельности на том месте, куда он сможет устроиться, при этом еще и, по сути, «профессиональной квалификацией» не является, так как подобное звание предполагает практический навык работы на конкретном месте по конкретной специальности не менее определенного количества лет. Основываясь на всех этих доводах, как раз система высшего образования, основанная на подготовке бакалавров, и сможет стать со временем выгодной и для бывших студентов, и для работодателей [5, с. 200].

Однако, при неизменности существующей низкой осведомленности о новой системе степеней, на момент выпуска первого массового потока бакалавров проблемы с их трудоустройством скорее всего будут, так как работодатели, кроме того, что уже долгое время теряют доверие к качеству подготовленности выпускников высших учебных заведений, совершенно не знакомы с такой степенью как бакалавр и не знают, способен ли такой выпускник выполнять свои профессиональные обязанности, не говоря уже об уровне его подготовки, так как при сохранении не очень высокого качества образования его срок, а об этом работодатели как раз знают, на несколько лет сократится. При этом, по мнению экспертов Высшей школы экономики, и население, и работодатели скорее заинтересованы именно в «общем» высшем образовании, которое будет предоставлять степень бакалавра, что позволит первым в более короткие сроки и с меньшими финансовыми затратами получить диплом о высшем образовании, наличие которого уже просто стало социальной нормой; а вторым позволит получить не только «культурного, дисциплинированного, обучаемого работника», но работника без завышенных представлений о своих профессиональных способностях, понимающего, что ему еще не хватает некоторых навыков, и готового и стремящегося их получить. Формирование такого мировосприятия выпускников и студентов становится еще одним направлением, осуществить которое может помочь введение степени бакалавра.

Одним из основных направлений, осуществляемых в рамках Болонского процесса, является прививание всем учащимся осознания, что образование с получением диплома не заканчивается [12, с. 77]. И система, внедряемая в рамках глобализационных процессов в высшей школе, направлена на формирование у студентов постоянного, непреходящего ощущения собственной недоученности. Это в свою очередь должно стимулировать его намного более ответственно относиться к собственному обучению, постоянно стремиться повысить свой образовательный уровень и учиться в течение всей жизни, чтобы соответствовать занимаемой должности или иметь возможность продвигаться по карьерной лестнице.

Прививание принципов именно этого направления для нашей страны представляет самую большую сложность, «поскольку предполагает изменение базовых ценностных и поведенческих установок», так как наличие диплома о высшем образовании дает выпускникам ощущение, что их образование подошло к логическому завершению и дальнейших действий в ближайшие годы не требует. Такое положение дел сильно осложнит введение принципов Болонского процесса, поскольку даже получение степени бакалавра требует, в соответствии с новым подходом, огромной самостоятельной работы, когда преподаватель больше не является основным источником фактической информации, изучения которой хватит для преодоления очередной ступени на пути к получению диплома о высшем образовании, а выполняет функцию помощника, направляющего и контролера самостоятельной работы, а всю основную нагрузку по поиску и освоению информации берет на себя сам студент. Но в большинстве вузов, особенно этим страдают вузы региональные, студенты не приучены к самостоятельной работе с материалом [22, с. 103].

Но даже полностью уладив и подготовив понятную и прозрачную структуру высшего образования, соблюдающую все требования Болонского процесса, ни один университет не гарантирует себе способных обучаться в этой системе студентов, так как новая схема подразумевает и новый подход к ней со стороны учащихся. Что характерно, и при этом удивительно, анализа данной проблемы и возможных последствий отсутствия ее реализации для сферы высшего образования, а также предложений по введению и осуществлению этого направления на практике в научных изданиях найдено не было, только в виде небольших упоминаний по теме других исследований, что является крайне скудным освещением такого принципиального для введенных принципов новой модели высшего образования. Но именно без этой части Болонский процесс не будет работать в полной мере и не придет к тем результатам, на которые рассчитывало государство, подписывая декларацию [19, с. 117].

Это и есть самая большая проблема на данный момент несмотря на то, что в 2010 году, с которого вводятся принципы Болонского процесса в России, единицы университетов на самом деле реально готовы к его внедрению и реализации во всей полноте на местах. Если структуру высшего образования можно изменить командным путем, то командным путем изменить представление людей о своей роли при получении высшего образования невозможно, так как для искоренения халатного отношения большинства студентов к учебе, искренне полагающих, что само поступление в университет уже практически гарантирует им получение диплома без приложения особых усилий, нужны будут очень сильные стимулы.

При этом мотивация должна стать естественной и постоянной частью жизни каждого человека, как это происходит в Европе, где идея обучения всю жизнь является главенствующей для каждого человека, постоянно помнящего, что образование во всех его видах, формах и проявлениях рассматривается как самая большая ценность. Возможно, поэтому их система образования и стала

настолько престижной и на этом основании является образцовой для стран, участвующих в глобализационных процессах в сфере образования.

Таким образом, суть Болонского процесса заключается далеко не только в изменении структуры университетов, скорее в изменении мировоззрения студентов и всех людей, заинтересованных в высоком уровне своей образованности, поэтому после подписании декларации в 2003 году ученому сообществу стоило уделить больше времени возможностям реализации этого вопроса и путям его внедрения в сознание учащейся молодежи, чем заниматься обсуждением того, насколько право было правительство, беря на себя обязательства по реализации этого процесса на территории России, так как было очевидно, что правительство своего мнения по этому вопросу не изменит.

Учитывая тот факт, что на момент присоединения нашей страны к декларации в необходимости реформ в высшем образовании уже мало кто сомневался, Болонский процесс, как процесс общемировой и во многих смыслах передовой и перспективный, явился приемлемым для нашей страны путем. Критические настроения сильны во многих странах-участницах, но и жестких рамок процесс не ставит, поэтому можно реализовывать только те аспекты, которые представляются наиболее важными – мобильность, соотнесение программ и т.д., сохраняя при этом привычные формы и типы подготовки, как, например, специалитет.

Таким образом, наиболее рациональным и оптимальным для нашей страны будет постепенное, осознанное и тщательно взвешиваемое принятие решений относительно всех составляющих Болонского процесса. Несомненно, он является наиболее разрекламированным и модным в данный момент глобализационным процессом в сфере высшего образования, но это не значит, что его нужно реализовывать всеми силами в минимальные сроки и делать на нем главный акцент. Эффективнее и полезнее для нашей системы высшего образования будет воспринимать Болонский процесс как один из возможно полезных направлений глобализации и брать из него то, что будет полезно именно для нашей национальной системы высшего образования. Но при этом необходимо не забывать, что на Болонском процессе полезные для России аспекты глобализации в сфере образования не заканчиваются. Представляется, что при рассмотрении и решении о внедрении очередного элемента болонских преобразований, стоит становиться на сторону тех, кто считает этот процесс глобализацией, что поможет более объективно и рационально рассмотреть необходимость внедрения очередных составляющих этого процесса в национальную систему высшего образования, так как при всех ее недостатках достоинства у нее также есть. Поэтому самая главная задача Российской Федерации в условиях глобализации – не потерять культурные и национальные особенности организации и функционирования российских университетов.

Список литературы

1. Аврамова Е.М., Александрова О.А., Логинов Д.М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности // *Общественные науки и современность*. - 2004. - № 6. - С. 45-62.
2. Артамонова М.В. Преподаватели и руководители вузов об интеграции в европейское образовательное пространство // *Социологические исследования*. - 2008. - № 1. - С. 148-160.
3. Байденко В.И., Гришанова Н.А., Пугач В.Ф. Россия в Болонском процессе: проблемы и задачи, перспективы // *Высшее образование сегодня*. - 2005. - № 5. - С. 18-27.
4. Белоконев Г., Кривошеев Н. Кризис в высшем образовании преодолим // *Alma mater*. - 2003. - № 3. - С. 20-34.
5. Веревкин О.Л. Ценность образования в общественном сознании // *Мониторинг общественного мнения*. - 2010. - № 2(96). - С. 200-205.
6. Глазырин В.А. Болонская декларация: интеграция или поглощение российского высшего образования? // *Университетское управление: практика и анализ*. - 2006. - № 1. - С. 80-94.
7. Гребнев Л. Академическая и профессиональная квалификация (Болонский процесс и российское законодательство) // *Высшее образование в России*. - 2006. - № 6. - С. 10-24.
8. Гребнев Л. Болонский процесс в России: проверка на доверие? // *Высшее образование в России*. - 2007. - № 1. - С. 47-58.
9. Гребнев Л. Федеральный образовательный стандарт: от перечня направлений и специальностей – к классификатору образовательных программ // *Высшее образование в России*. - 2007. - № 3. - С. 32-46.
10. Гречко П. Глобализация: образовательные горизонты // *Высшее образование в России*. - 2005. - № 11. - С. 100- 113.
11. Добренькова Е.В. Проблемы вхождения России в Болонский процесс // *социологические исследования* 2007. - № 6. - С. 104-115.
12. Еременко Г.В. Университет как среда обучения в течение всей жизни // *Высшее образование в России*. - 2009. - С. 76-91.
13. Колосов В.П. Бакалавр + магистр: либо только специалист? // *Высшее образование сегодня*. - 2002. - № 5. - С. 32-45.
14. Колосов В.П. Рынок образовательных услуг и ценности образования (между ВТО и Болонским процессом) // *Высшее образование в России*. - 2006. - № 2. - С. 7-16.
15. Конституция Российской Федерации. Статья 43.- М.: Юридическая литература, 1997. - 58 с.
16. Кузьминов Я. Болонский процесс и национальная система образования // *Alma mater*. - 2006. - С. 3-16.
17. Любимов Л. Реформа образования: благие намерения, обретения, потери // *Высшее образование в России*. - 2004. - № 12. - С. 10-28.
18. Миронов В. Болонский процесс и национальная система образования

// Alma mater. - 2006. - № 6. - С. 5-8.

19. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в Болонский процесс. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. - 354 с.

20. Плаксий С.О. О конкурентоспособности российских вузов и «гамбургском счете» // Alma mater. - 2008. - № 1. - С. 7-14.

21. Покровский Н.Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. - 2005. - № 4. - С. 150-159.

22. Сенашенко В., Жалина Н. Самостоятельная работа студентов: актуальные проблемы // Высшее образование в России. - 2006. - № 7. - С. 102-117.

23. Сенашенко В., Ткач Г. О структуре современного высшего образования // Высшее образование в России. - 2004. - № 4. - С. 19-31.

24. Скотт П. Реформы высшего образования в странах Центральной и Восточной Европы: попытка анализа // Alma mater. - 2001. - № 10. - С. 42-54.

25. Современная декларация европейской системы высшего образования // Высшее образование сегодня. - 2002. - № 3. - С. 34-46.

26. Сорбонская и Болонская декларация // Alma mater. - 2000. - № 6. - С. 17-27.

27. Типенко Н.Г. Экономика образования и образовательная политика // Общественные науки и современность. - 2003. - № 4. - С.28-36.

28. Якобсон Л.И. Модернизация образования: от линии выживания к реинтеграции в общество // Общественные науки и современность. - 2003. - № 4. - С. 15-23.

СОДЕРЖАНИЕ

Культурная глобализация и задачи современного образования.....	3
Актуальные проблемы глобализации высшего образования в России.....	11
Болонский процесс как важнейший компонент глобализации высшего образования.....	24